
Тесля А. А. Письма в Прагу : рецензия на публикацию переписки Георгия Флоровского с братом Антоном 1946–1968 // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 7, № 3. — С. 341–350.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

ПИСЬМА В ПРАГУ**

РЕЦЕНЗИЯ НА ПУБЛИКАЦИЮ ПЕРЕПИСКИ ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО
С БРАТОМ АНТОНИЕМ, 1946–1968

ФЛОРОВСКИЙ Г. ПИСЬМА К БРАТУ АНТОНИЮ / СОСТ., ПРИМ. И ВСТУП. СТ.

Л. Киевизик. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-341-350.

В последние два десятилетия началась достаточно активная публикация эпистолярного наследия о Георгии Флоровском (см., в частности: Янцен, 2012). Значение дел и трудов о Георгии Флоровском не только для отечественной, но и для зарубежной интеллектуальной традиции столь велико, что издание его писем никакого отдельного обоснования, не говоря уже об оправдании, не требует — это тот случай, когда, по пушкинскому выражению, «всякая строчка... становится драгоценной для потомства» (Пушкин, 1962: 142). При этом о Флоровском как о человеке, о его повседневности опубликовано не очень много сведений: это связано и со сложностями его характера (и с понятным нежеланием многих современников-мемуаристов касаться вопросов заведомо непростых, к тому же со стремлением избегать погружения своего рассказа в стилистику сплетен), и с особенностями его биографии.

В известной степени ко всему его поколению относится название, избранное В. С. Варшавским для описания литературы: если самого Флоровского никак нельзя назвать «незамеченным», то его интеллектуальный путь, прежде всего в карьерном плане, предстает как постоянное преодоление препятствий, нередко совершенно неожиданных. «Незамеченным» было поколение тех, кто эмигрировал из России молодыми или совсем детьми вместе с семьями. В отличие от своих «отцов» им приходилось не обустроиваться на новом месте, а создавать себя, впервые

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель; НОЦ «Центр исследований русской мысли» Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

прокладывать путь или опираться на совсем скудные основания, которые удалось заложить еще в той стремительно ставшей прошлой жизни. В недавно опубликованной переписке совсем молодого Александра Шмемана с о. Георгием Флоровском (Шмеман и Флоровский, 2019) видно, что Флоровский воспринимался как своего рода «свой» в противостоянии «старикам» Свято-Сергиевского богословского института — противостоянии, идейную подкладку которого не стоит преувеличивать, как и явствует из указанных писем. «Идейное» там — прежде всего в восприятии предыдущего поколения как устаревшего, повторяющего то, что уже страстям, таким как гнев, гордыня и всякая алчность, сами способами, того, от кого ничего принципиально нового ждать не приходится. И при этом ситуация, когда для молодых нет никаких других мест, где они могли бы заниматься тем, к чему во многом готовились в том же Свято-Сергиевском, — это ситуация именно академической скудости, очень небольшого количества ресурсов, которые в первую очередь распределяются между состоявшимися, добившимися положения. Другим остается либо бесконечно долго ходить в «молодых», дожидаясь своей очереди, либо пытаться что-то найти для себя в других местах — встроиться в существующие не-эмигрантские институты, что не просто затруднительно по понятным причинам, но и предполагает одновременно, что твои былые интересы, твоя собственно русско-эмигрантская проблематика в лучшем случае уйдет на второй план.

Флоровскому удастся добиться необыкновенно многого благодаря и собственной феноменальной одаренности, и трудоспособности, а в чем-то, надобно полагать, и удаче. Но важно, что это окажется именно одним из немногих примеров, на фоне которого следует постоянно помнить о его исключительности и вместе с тем также помнить, что с этим связана в том числе и та «разбросанность» научных интересов Флоровского, на которую он отчасти жалуется в письмах к брату. Мировое признание приходит к нему как к патрологу и византисту, специалисту по восточным отцам церкви: он востребован в рамках межконфессионального диалога, значим как богослов, но при этом он же как историк русской мысли остается куда менее привлекающим общее внимание (хотя вплоть до последних лет мыслит себя в этих рамках, продолжает собирать материалы и думать над новыми темами и новыми аспектами старых тем). Впрочем, многое в его биографии 1930–50-х привело к тому, что, подводя итоги во второй половине 1960-х, он писал брату: «Я стою теперь совершенно в стороне от всех „русских

кругов“; о чем, строго говоря, мало жалею» (Флоровский, 2021: 183; письмо от 16.IV.1966 г.).

Флоровские были одаренным семейством: старшая сестра о. Георгия Клавдия (Дуся, 1883–1965) много работала в Болгарии, а в 1955 г. вернулась в Советскую Россию, где активно работала как переводчик вплоть до кончины в 1965 г.; была высоко ценима Патриархией. Старший брат о. Георгия Антоний (1984–1968), историк-русист, с начала 1920-х годов обосновался в Праге, где и прожил вплоть до кончины в 1968 г.¹ Между братьями и сестрой существовала большая духовная и интеллектуальная близость: их письма, исчисляемые многими сотнями, свидетельствуют о прочности связей, возможности делиться с родными не столько житейскими мелочами и обстоятельствами, сколько собственными делами, планами, рабочими заметками (см., в частности: Флоровский, 2021).

Публикуемые письма — лишь небольшая часть (примерно 1/5) от сохранившегося собрания писем к брату, и остается лишь понадеяться, что не в слишком отдаленном будущем переписка будет опубликована целиком. Однако думается, что и опубликованная часть вполне позволяет составить общее впечатление о характере переписки между братьями. Основные ее темы — рабочие дела Флоровского, его академические планы и отношения, научные новинки и публикации, могущие заинтересовать собеседника, и, разумеется, житейская рутина и хлопоты, которым отведено довольно периферийное место.

Особенно полно представлена переписка 1960-х годов — до кончины Антония в 1968 году. В это время Георгий Флоровский наконец добивается достаточно прочного положения, его карьера близится к концу, и он с долей удовлетворения и некоторого беспокойства перебирает знаки внешнего признания, почетные доктораты, которых удостоен, одновременно вновь фиксируя свою отчужденность от русской эмигрантской среды. По письмам рассеяны многочисленные любопытные суждения о коллегах и их работах: так, большое впечатление на о. Георгия произведет молодой Анджей Валицкий, с которым он познакомится во время годичного пребывания последнего в Гарварде. Флоровский несколько раз возвращается к суждениям о Валицком, в том числе и после отъезда последнего, с интересом и вниманием откликаясь на публикацию фундаментального исследования Валицкого о славянофилах («В кругу

¹ См. недавно вышедший сборник его работ: Флоровская, 2020.

консервативной утопии», см. там же: 97 и сл.). Очень любопытно развернутое замечание о младшем коллеге, ученике М. М. Карповича Н. В. Рязановском в письме, датированном приблизительно ноябрём 1959 г.:

Вышла здесь новая книга Рязановского-младшего — о теории «официальной народности»², довольно слабая и отчасти наивная, но небесполезная как подбор малодоступного материала — из Булгарина и др. Автор пользовался Гельсингфорской библиотекой. Но он даже не поставил вопроса об источниках и корнях «теории» и не отметил ее немецкий характер, даже тогда, когда говорил о Жуковском, у которого это совершенно ясно: связи с прусским реакционным пиетизмом (Радовиц и др.). Что именно разумелось под «Православием», он тоже совсем не проанализировал и о церковной политике Николая и Протасова ничего не сказал. В действительности же в николаевском «Православии» гораздо больше лютеранства, чем чего другого. Очень поверхностно изображен и Погодин. Рязановский вообще не без таланта, но не прошел хорошей школы. Его первая книга — о славянофилах³ — лучше, хотя тоже без настоящей глубины (Флоровский, 2021: 87).

О другом ученике Карповича, намного более известном, Р. Пайпсе Флоровский посылает брату в Прагу уничижительный отзыв (который следует читать с той существенной поправкой, что скорее положительно Флоровский отзывался о немногих, а хвалил из коллег вообще единицы, да и то едва ли не непременно с той или иной оговоркой):

Пайпс — на самом деле Пипес, польский еврей. Ученый он никакой, больше по новейшей истории⁴. Книга его о Карамзине⁵ — слабое ученическое упражнение, ничего нового. Даже для студентов его убожество очевидно, тем более что оно сопровождается нахальством. Он пытался отклонить одну диссертацию под предлогом, что о Владимире Соловьеве нечего писать. Диссертация все-таки была написана и вышла удачной. У нас есть лучшие историки, например Марк Раев, теперь в Коламбия Университи, автор очень хорошей

²Имеется в виду: Riasanovsky, 1959.

³См.: Riasanovsky, 1952.

⁴Примечательно, что Флоровский здесь проявляет характерное для русской исторической науки конца XIX — начала XX века, в русле которой он формировался, представление о «настоящей» истории как об истории отдаленной — тогда когда занятия XVIII веком в качестве основных (как в случае племянника К. Д. Кавелина, проф. казанского университета Д. А. Корсакова) воспринимались как отсутствие должной основательности; «современная история», в смысле истории последних столетий, могла быть предметом лишь сопутствующих занятий.

⁵См.: Pipes, 1959.

монографии о Сперанском⁶. А в Йеле, после Вернадского⁷, читает русскую историю специалист по Персии! Есть и такой профессор, что в учебнике описывает торжество открытия Бульгинской думы, и очень обижается, что его не повышают в ординарные профессора (Флоровский, 2021: 111; письмо от 3.III.1962).

Много места уделяется в переписке фигурам их совместного прошлого: так, страсть никуда не ушла с годами из отношения Флоровского к Милокову. В письме от 22.II.1963 г. Флоровский вновь погружается в атмосферу споров 1920–1930-х годов вокруг Герцена (о котором он защитил диссертацию в Пражском университете), вспоминая о былом в связи с недавно читанной им биографией Лермонтова Н. Л. Бродского (Бродский, 1945):

То, что он говорит о ранних «кружках» в Москве, совпадает с тем, что я говорил об этом в своей диссертации, за что на меня без толку обрушились в свое время твои друзья — Струве и особенно Кизеветтер. Теперь влияние Шеллинга на раннего Герцена признано всеми, так же как и влияние Герцена на Достоевского в начале 60-х годов, что мои оба оппонента считали признаком моей безответственности. Конечно, и Милоков. Уважения к этим представителям русской исторической науки — их времени — питать не могу. Милоков вообще застрял в каком-то давнем периоде своей жизни: он меня очень удивил на одном собрании академической группы в Париже — обсуждалась программа магистерского экзамена по истории русской литературы, в которую должен был войти отдел по истории западных литератур; Милоков посоветовал вопрос о Шекспире и в качестве главного руководства предложил книгу Брандеса. Я высказался в том смысле, что книга Брандеса не имеет научного значения и к тому же устарела и что во всяком случае не годится ограничиваться русскими книгами о Шекспире, на что М(илоков) разразился раздражительной речью, намекая на мои отсталые предрассудки. О методах «литературоведческого» исследования М(илоков) не имел ни малейшего представления. Я не удивляюсь, что Ключевский в свое время в нем разочаровался. Самого К(лючевского) я очень ценю, но вижу и его ограничения, хотя и не в том смысле, что Федотов (в его замечательной статье «Россия Ключевского» в «С(овременных) з(аписках) перед войной») (Флоровский, 2021: 122–123).

⁶См.: Raeff, 1957. Марк Раев в мемориальном сборнике Флоровского (1993, 1995) под редакцией Эндрю Блейна напишет большой и серьезный очерк о нем как об историке русской мысли. См.: Раев, Кротов, 1995.

⁷См. о положении русских историков-эмигрантов в американском академическом сообществе в 1930–1950-е годы, в том числе подробно о Г. В. Вернадском: Болховитинов, 2005.

Примечательно, что для Флоровского русский академический мир в 1960-е остается отчасти единым пространством: так, говоря об Одесском университете, он обсуждает судьбы своих знакомых, отмечает, кому из них довелось добиться существенных научных позиций в Советском Союзе, активно читает советские публикации по интересующим его темам (сетуя, сколь непросто бывает их доставать). Во многом этому далекому от политических размежеваний взгляду способствуют и адресат письма, и оглядка на цензуру — как письма, адресованные в Прагу, в реальность социалистического лагеря. Но именно сама естественность интонаций, думается, говорит о том, что здесь ситуативные соображения явно не первостепенны; характерно и то, что собеседники на самом деле плохо представляют себе реалии советской жизни: так, после смерти Антония его вдова завещает средства для назначения при Институте истории АН СССР специальной стипендии для «подготовки творчески одаренного специалиста по истории русско-чехословацких связей» (Флоровский, 2021: 42), прямо продолжая в советские 1960-е нормы дореволюционной академической жизни.

Своеобразно умиротворенному, рутинному отношению к советскому способствует и то, что и сестра, и брат после войны получают советское гражданство (брат Антоний останется в Праге), в 1960-е Флоровский обсуждает поездку в Ленинград на конференцию, но в конце концов отказывается от этого плана из-за плотного графика, придя к выводу, что лететь на несколько дней нет смысла, а задержаться на более долгий срок у него нет возможности. С начала 1960-х у Флоровского завязываются рабочие связи с П. Н. Берковым — выдающимся отечественным литературоведом и библиографом. При его содействии Флоровский ведет разыскания над забытыми публикациями Вл. Соловьева и К. П. Победоносцева (см. по именному указателю). О последнем Флоровский пишет брату:

Личность Поб(едоносцева) остается загадочной — по крайней мере для меня: это психологическая загадка. Реакционность Поб(едоносцева) — от глубочайшего разочарования в людях и культуре. Это напоминает Толстого с тем отличием, что Толстой в конце концов потерял вкус и к Шекспиру, а Поб(едоносцев) до конца «гутировал» Браунинга и Шелли, почти на манер Вячеслава Иванова, и при этом — совсем по-пуритански — считал человека моральным импотентом. Верно, что из немецкой романтики родился нем(ецкий) патриархалистический тоталитаризм, но все-таки «философским путем», а П(обедоносцев) чувствовал искусство и отвергал всякое мышление (кроме своего собственного, строго его стерилизуя и избегая всяких «общих идей»).

[...] «Православным» — в церковном смысле слова — П(обедоносцев) не был. Он готов был — с Толстым — искать веру у «народа» — самого наипростого и недумającego. Его перевод Нового Завета был — после его смерти — «разоблачен» б(ывшим) министром Шварцом, А(лександром) Н(иколаевичем), в «Журнале Минист(ерства народного просвещения)». П(обедоносцев) просто игнорировал греческий текст, чего даже Толст(ой) не делал, и переводил почти что «по-толстовски», то есть «попросту», без всякой учености, прямо по здравому смыслу.

Никак нельзя объяснять п(обедоносцевского) сдвига в сторону реакции оппортунистическим приспособлением к «сферам», в которые в 60-е годы он проник — притом через окружение цесаревича Николая, то есть, во всяком случае, не через ретроградов. Отчасти, конечно, это была реакция на эксцессы 60-х годов, подобно настроениям Лескова того же времени (Флоровский, 2021: 93–94; письмо от 10.II.1960).

Не откажем себе в удовольствии попутно выписать и яркую характеристику «Записок...» С. М. Соловьева и в целом личности великого историка, бегло данную Флоровским в письме к брату от 22.II.1963 г.:

Перечел на днях «Записки» С. М. Соловьева (в «Вестнике Европы») — в связи с моим семинаром по «замечательным десятилетиям». Написаны они очень желчно и раздражительно, и очень лично: у С. М. (Соловьева) было странное сочетание «страсти» с «уравновешенностью», и это не было очень удачным сочетанием. Заклочительная часть — о начале «великих реформ» — очень поучительна и помогает понять тот процесс разочарования, который превратил и Каткова, и Победоносцева из либералов в реакционеров (там же: 121).

Публикатор справедливо обращает внимание на письмо от 16.IV.1966 г., в котором Флоровский обращается к спорам и конфликтам прошлого. Флоровский плохо умел признавать собственные ошибки или былую неправоту, но в том, как настойчиво и напряженно он описывает свою позицию 1930-х в Свято-Сергиевом институте, отношения с о. Сергием Булгаковым и позицию в споре о «софиологии», вполне ощущается, по нашему мнению, неловкость, стремление доказать едва ли не себе самому в первую очередь, что он ни в чем не был виноват перед учителем:

После осуждения идей Булгакова и в Москве, и в Карловцах митрополит Евлогий назначил богословскую комиссию для разбора обвинений. Я хотел отказаться от участия, но митрополит настоял, во избежание упреков в одностороннем подборе членов. [...] Заседания комиссии были закрытыми, и вне комиссии я не говорил ничего, но «друзья» отца Сергия Булгакова постарались разнести по всему свету, и с искажениями, то, что совсем не подлежало огласке (там же: 181).

Самая устойчивая тема переписки — возникающие планы издания «Путей русского богословия» в немецком и английском переводе (см., в частности, об истории подготовки немецкого перевода: Янцен, 2012). Флоровский и стремится к этому изданию, и вместе с тем медлит, собираясь подготовить масштабную переработку, пересмотр первых глав. Но, если осмелиться на субъективное суждение, он в принципе уже сказал, что хотел, его многочисленные замечания по тем или иным конкретным вопросам — это именно уточнения, детали; период формирования воззрений давно в прошлом, а от пересмотра сложившегося понимания он более чем далек. Отсюда, думается, и своеобразная медлительность, постоянное возвращение из года в год к одним и тем же сюжетам и при этом — отсутствие аудитории, тогда как в своих патристических исследованиях он ощущает себя в кругу собеседников, полемизирует, радуется неожиданным для собеседников идеям. Та отъединенность от русского круга в конце концов делает и русские сюжеты для него все более предметом любопытства и перебора, возвращения к старым спорам и утверждения своей правоты с опорой на новые работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Болховитинов Н. Н.* Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
- Бродский Н. Л.* М. Ю. Лермонтов. Биография. Т. 1 : 1814–1832. — М. : ОГИЗ, 1945.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 6. Критика и публицистика / под ред. Д. Д. Благого, В. В. Бонди, Ю. Г. Виноградова. — М. : ГИХЛ, 1962.
- Раев М.* Соблазны и разрывы : Георгий Флоровский как историк русской мысли / пер. с англ. Я. Кротова // Георгий Флоровский : священнослужитель, богослов, философ / под ред. Ю. П. Сенокосова. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — С. 241–306.
- Флоровская А. В.* Труды по истории России, Центральной Европы и историографии : из архивного наследия / под ред. В. Ю. Афиани. — СПб. : Нестор-История, 2020.
- Флоровский Г.* Письма к брату Антонию / сост., прим. и вступ. ст. Л. Киевзик. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2021.
- Шмеман А., Флоровский Г.* Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский. Письма 1947–1955 годов / под ред. П. Л. Гаврилока. — М. : Издательство ПСТГУ, 2019.

- Яцен В.* Другая философия : переписка Д. И. Чижевского и Г. В. Флоровского (1926–1932, 1948–1972) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли : ежегодник за 2008–2009 год. Т. 9 / под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. — М. : Ренум, 2012. — С. 464–904.
- Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia : A Translation and Analysis New Edition / ed. by N. M. Karamzin. — Cambridge : Harvard University Press, 1959.
- Raëff M.* Michael Speransky : Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. — Hague : Martinus Nijhoff, 1957.
- Riasanovsky N. V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles : A Study of Romantic Ideology. — Cambridge : Harvard University Press, 1952. — (Harvard Historical Studies ; LXL).
- Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia 1825–1855 : Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. — Berkeley : University of California Press, 1959.

Teslya, A. A. 2023. "Pis'ma v Pragu [Letters to Prague]: retsenziya na publikatsiyu perepiski Georgiya Florovskogo s bratom Antoniye 1946–1968 [A Review of the Publication of the Correspondence by Georgy Florovsky to his Brother Antony, 1946–1968]" [in Russian]. *Filosophiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 341–350.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR

RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2437-5002

LETTERS TO PRAGUE

A REVIEW OF THE PUBLICATION OF THE CORRESPONDENCE
BY GEORGY FLOROVSKY TO HIS BROTHER ANTONY, 1946–1968

FLOROVSKIY, G. 2021. *PIS'MA K BRATU ANTONIYU [LETTERS TO BROTHER ANTHONY]* [IN RUSSIAN]. COMP. L. KIYEYLIK. WITH ANNOTS. BY L. KIYEYLIK. WITH AN INTRO. BY L. KIYEYLIK. MOSKVA [MOSCOW]: IZD-VO PSTGU

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-341-350.

REFERENCES

- Bolkhovitinov, N. N. 2005. *Russkiye uchenyye-emigranty (G. V. Vernadskiy, M. M. Karpovich, M. T. Florinskiy) i stanovleniye rusistiki v SShA [Russian Emigrant Scientists (G. V. Vernadsky, M. M. Karpovich, M. T. Florinsky) and the Formation of Russian Studies in the USA]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN).

- Brodskiy, N. L. 1945. *M. Yu. Lermontov. Biografiya. T. 1* [*M. Y. Lermontov. Biography. Vol. 1: 1814–1832 [1814–1832]*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: OGIZ.
- Florovskaya, A. V. 2020. *Trudy po istorii Rossii, Tsentral'noy Yevropy i istoriografii [Works on the History of Russia, Central Europe and Historiography]: iz arkhivnogo naslediya [From the Archival Heritage]* [in Russian]. Ed. by V. Yu. Afiani. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nestor-Istoriya.
- Florovskiy, G. 2021. *Pis'ma k bratu Antoniuyu [Letters to Brother Anthony]* [in Russian]. Comp. L. Kiyeyzik. With annots. by L. Kiyeyzik. With an intro. by L. Kiyeyzik. Moskva [Moscow]: Izd-vo PSTGU.
- Pipes, R. 1959. *Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis New Edition*. Ed. by N. M. Karamzin. Cambridge: Harvard University Press.
- Pushkin, A. S. 1962. *Kritika i publitsistika [Criticism and Journalism]* [in Russian]. Vol. 6 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by D. D. Blagoy, V. V. Bondi, and Yu. G. Vinogradov. 17 vols. Moskva [Moscow]: GIKhL.
- Raeff, M. 1957. *Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839*. Hague: Martinus Nijhoff.
- . 1995. “Soblazny i razryvy [Temptations and Ruptures]: Georgiy Florovskiy kak istorik russkoy mysli [Georgiy Florovsky as a Historian of Russian Thought]” [in Russian]. In *Georgiy Florovskiy [George Florovsky] : svyashchenosluzhitel', bogoslov, filosof [Cleric, Theologian, Philosopher]*, ed. by Yu. P. Senokosov, trans. from the English by Ya. Krotov, 241–306. Moskva [Moscow]: Progress-Kul'tura.
- Riasanovskiy, N. V. 1952. *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology*. Harvard Historical Studies, LXL. Cambridge: Harvard University Press.
- . 1959. *Nicholas I and Official Nationality in Russia 1825–1855: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839*. Berkeley: University of California Press.
- Shmeman, A., and G. Florovskiy. 2019. *Prot. Aleksandr Shmeman, prot. Georgiy Florovskiy. Pis'ma 1947–1955 godov [Alexander Schmemann, Georges Florovsky. Letters from 1947–1955]* [in Russian]. Ed. by P. L. Gavrilyuk. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo PSTGU.
- Yantsen, V. 2012. “Drugaya filosofiya [Another Philosophy]: perepiska D. I. Chizhevskogo i G. V. Florovskogo (1926–1932, 1948–1972) kak istochnik po istorii russkoy mysli [Correspondence Between D. I. Chizhevsky and G. V. Florovsky (1926–1932, 1948–1972) as a Source on the History of Russian Thought]” [in Russian]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli [Studies on History of Russian Thought] : yezhegodnik za 2008–2009 god [2008–2009 Yearbook]*, ed. by M. A. Kolerov and N. S. Plotnikov, 9:464–904. Moskva [Moscow]: Regnum.